

## Генри Шапиро, Марвин Калб и все, все, все

В отличие от большинства советских государственных деятелей, отец любил общаться с журналистами, своими и особенно с западными, считал необходимым установить с ними хорошие, даже дружеские отношения. От журналистов зависит, как они подадут тебя в своих газетах, благожелательно или вымажут дегтем. Конечно, основные акценты расставляет политика, но и от человека пишущего зависит многое.

На пресс-конференциях отец обращался к представителям западных изданий напрямую, многих помнил по именам. Он не начинал интервью, не убедившись, что все его «друзья» на месте.

– Я не вижу господина Шапиро, – говорил он, вглядываясь со стационарного или импровизированного возвышения в толпу роящихся вокруг него корреспондентов.

Низкорослый, кругленький как шар, с неизменной трубкой в зубах, корреспондент «Юнайтэд Пресс» Генри Шапиро легко терялся в толпе рослых американцев. В ответ на призыв отца он становился на цыпочки, расплывался улыбкой из-под щеточки усов, размахивал руками, показывая, что он здесь. Отец ценил Шапиро за объективность и серьезность оценок, и Шапиро платил ему тем же, он не гнался за дешевыми сенсациями, особенно «с душком».

Убедившись, что Шапиро на месте, отец не успокаивался. А где «Петр Первый?» – снова обводил он глазами собравшихся. «Петром Первым» за его петровский рост он прозвал американского телевизионщика Марвина Калба. С Калбом проблем не возникало, он на голову возвышался над любой толпой. Перечислив имена еще нескольких своих «приятелей», отец заканчивал «переключку» и переходил к делу.

Отец понятия не имел, что избранная им интуитивно манера общения с прессой один в один соответствует тщательно просчитанной «фривольной» линии поведения американских президентов на пресс-конференциях Белого дома. Там принято «знать» представителей ведущих информационных агентств в лицо, окликать их по именам. Только в отличие от отца, перед американским президентом кладут заранее заготовленную «рассадку», где указано, кто где сидит, кто кого представляет и, естественно, кого как зовут. Отец же в подсказках не нуждался, держал все в голове. И симпатизировал он журналистам по-человечески искренне, а не только по долгу службы.

Иногда доходило до курьезов. Все тот же Даниэль Шорр с удовольствием рассказывает историю, как он отпрашивался у Хрущева в отпуск. На одном из дипломатических прие-

мов, улучив момент, когда толпа вокруг отца поредела, Шорр, напустив на себя унылый вид, подошел к Хрущеву и посетовал, что только он может ему помочь.

«— В чем же ваша проблема, господин Шорр? — поинтересовался Хрущев. (Здесь и дальше воспроизвожу слова Шорра. — С. Х.)

— Мои руководители в Нью-Йорке не позволяют мне уехать из Москвы из-за слухов о предстоящем Пленуме Центрального Комитета, — пожаловался Шорр.

Хрущев кивнул головой в знак понимания.

— Когда точно вы собираетесь в отпуск? — спросил Хрущев доверительно.

— Завтра, — ответил я.

— На сколько? — поинтересовался Хрущев.

— На две недели, — уточнил я.

— И вы опасаетесь, что в эти две недели состоится Пленум ЦК? — снова спросил Хрущев.

— Именно, — повторил я. Диалог становился забавным.

— Можете идти в отпуск, — навалившись на меня животом, прошептал в мое ухо Хрущев.

— Вы обещаете, что Пленум не соберется? — перестраховался я.

— Если случится что-то неожиданное, мы соберемся без вас, а так отдыхайте спокойно, — Хрущев дружески ткнул мне пальцем под ребро», — заканчивает свое повествование Шорр.

Отец сдержал слово — пока корреспондент Си-би-эс в Москве Даниэл Шорр отдыхал, не только не собрали Пленум ЦК, но и вообще ничего интересного в столице не происходило.